

СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ГОРОДА

«НО ДИСКОМФОРТ МЫ ВСЕ-ТАКИ ОЩУЩАЕМ»: ОБСКИЕ УГРЫ В ПРОЦЕССАХ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ К УСЛОВИЯМ ГОРОДА

Елена Анатольевна Пивнева (pivnel@mail.ru)

Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия

Цитирование: Пивнева Е.А. (2018) «Но дискомфорт мы все-таки ощущаем»: обские угры в процессах социокультурной адаптации к условиям города. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 21(4): 104–129. <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.4.5>

Аннотация. Статья основана на полевых исследованиях автора в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре (главным образом в городе Ханты-Мансийске), а также на результатах интервью в Санкт-Петербурге (Институт народов Севера РГПУ им. А.И. Герцена) и посвящена изучению современных адаптационных стратегий и практик обских угров (хантов и манси) к относительно новым для них условиям города. В качестве основного метода применен анализ «жизненных историй» хантов и манси — представителей разных социальных категорий. До сих пор культурные комплексы этих народов было принято рассматривать как варианты оптимальной адаптации к суровой природе. Процесс исключения коренных малочисленных народов Севера из отраслей традиционного хозяйства и миграция, порой вынужденная, в крупные поселки и города привели к резкому расслоению данной категории населения и сложению различных адаптационных стратегий и практик. Фактический материал, полученный в результате полевой работы, рассмотрен в русле концепции многовариантного саморазвития, которая предполагает использование разных подходов в отношении отличительных социальных групп аборигенного населения. В числе особенностей обско-угорского городского населения отмечается сложный состав, включающий выходцев из разных диалектно-этнографических групп (их представители заняты в различных сферах деятельности, имеют свои ценности, нормы, предпочтения). Особое внимание уделено гендерным и возрастным особенностям урбанизации, а также роли образования в процессах адаптации хантов и манси к городскому образу жизни. Делается вывод о гетерогенности социокультурных процессов в городе. В заключение подчеркивается, что именно этнографическое/антропологическое знание может помочь людям в вопросах создания «этнического комфорта» в городе. Как научный, так и прикладной интерес в данном контексте представляет изучение позитивного опыта адаптации конкретных представителей северных народов, а также родственных и земляческих отношений, которые позволяют вновь приезжающим менее болезненно и с меньшим риском адаптироваться к новой среде.

Ключевые слова: обские угры, город Ханты-Мансийск, социокультурная адаптация, урбанизация, социальная стратификация, этнический комфорт.

В настоящее время в отечественной этнологии / социально-культурной антропологии идет активный поиск новых методов и направлений в области городских исследований*. Особенность антропологического подхода в этих трудах видится в сосредоточенности на социокультурном компоненте в существовании городов, изучении городского пространства с позиций культурных отличий и разнообразия, а использование качественных методов исследований позволяет сделать более глубокий анализ социокультурных процессов как на уровне отдельных городских сообществ, так и на уровне индивида**.

Коренные малочисленные народы Севера*** как объект городских исследований имеют свои особенности. Город является относительно новым фактором в жизнедеятельности этих народов, поэтому процесс адаптации к городскому образу жизни сопряжен для многих из них с трудностями «переходного периода». Как говорят их представители, *«проблема серьезная — выживание народов Севера в городских условиях. Мы как бы и здесь не стали своими, в городской среде не приспособились, и уже утратили то, что в деревне имели. Вот и оказались в таком положении»* (ПМА 2006). Городская проблематика появилась в североведении тоже сравнительно недавно, причем такое положение характерно не только для отечественной науки (см., например: Швайцер 2016).

* Этой теме были посвящены: состоявшийся в 2013 г. в Москве X Конгресс этнографов и антропологов России (Мартынова и др. 2013), отдельные проекты в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (2012–2014) (Деревянко, Тишков 2015). Город находится в центре внимания других научных мероприятий и публикаций (см.: Шабаев, Жеребцов 2013; Халдеева, Барнинова 2015 и др.).

** Обзор истории и современного состояния городской антропологии см., например: (Соколовский 2014; Трубина 2016).

*** По принятому в 1999 г. Федеральному закону «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» таковыми в Российской Федерации считаются народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в России менее 50 тыс. человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями (Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»). В зарубежном обществоведении и государственной политике разных стран термины «коренные» или «аборигенные» народы употребляются «в отношении автохтонного населения этих государств, сохраняющего традиционную хозяйственно-культурную специфику и находящегося в принижённом социальном положении» (см.: Лопуленко, Тишков 2006: 357). В статье термины «народы Севера», «КМНС», «северные аборигены» будут использоваться как синонимы.

В последние годы исследователями проделана определенная работа в направлении изучения и осмысления современных социокультурных трансформаций и адаптаций народов Севера России к новым для них социально-экономическим и политическим условиям (Тишков 2004; Пивнева, Функ 2005; Kasten 2005; Павлинская, Федорова 2005; Функ, Бич, Силанпяя 2006; Beach, Funk, Sillanpaa 2009; Donahoe, Habeck 2011; Новикова, Функ 2012; Habeck 2014; Пивнева 2017a). Все больше внимания уделяется и городу (Функ 2014; Поворознюк, Функ 2016 и др.), хотя многие направления исследований остаются пока нереализованными. В их число входит изучение социокультурной адаптации в контексте новой социальной дифференциации в среде аборигенов.

Процесс исключения этих народов из отраслей традиционного хозяйства и миграция (порой вынужденная) в крупные поселки и города привели к резкому расслоению данной категории населения и сложению различных адаптационных стратегий и практик, отражающих порой кардинально различные жизненные ценности и устремления. Здесь у антрополога открывается широкое исследовательское поле, связанное с поиском ответов на такие, например, вопросы: Каковы признаки и критерии социального расслоения в среде аборигенов, в том числе их городской части? Почему люди выбирают жизнь в городе? Можно ли говорить об особой городской идентичности северян? Статья лишь намечает подступы к ответам на эти вопросы. Основное внимание в ней будет уделено гендерным и возрастным особенностям социальной адаптации обско-угорского населения к условиям города.

Статья основана на материалах полевых исследований автора в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре (далее — ХМАО), главным образом в городе Ханты-Мансийске, а также в Санкт-Петербурге*. В качестве основного метода применен анализ «жизненных историй» хантов и манси — представителей разных возрастных и социальных групп. Эти материалы содержат пласт информации, позволяющий на личностных примерах проследить основные тенденции и проблемы социокультурной адаптации к городским условиям в среде малочисленных народов Севера.

Фактические данные, полученные в результате полевой работы, рассмотрены в русле концепции многовариантного саморазвития, которая

* Материалы по теме собирались автором в разное время в ходе экспедиционных поездок в Ханты-Мансийский автономный округ — Югра в 2006–2017 гг. В Санкт-Петербурге исследование проводилось в Институте народов Севера РАН им. А.И. Герцена в 2016 г.

предполагает использование разных подходов в отношении различных социальных групп аборигенного населения. Она учитывает невозможность обеспечения в современном мире приемлемых условий социального существования только на базе традиционной модели и необходимость овладения аборигенным населением модернизационными жизненными стратегиями (Тишков 2004). За рамками статьи оставлен вопрос об использовании северными аборигенами в процессах адаптации к меняющимся социальным и экономическим условиям их этничности, поскольку эта тема требует специального изучения и частично была рассмотрена автором в других публикациях (Пивнева 2012; 2016).

«Нас ведь теперь большинство в городах живет»: динамика урбанизации

Определяющим фактором урбанизации территории ХМАО и формирования городского населения, в том числе и среди коренных малочисленных народов Севера, стало развитие в регионе с 1960-х годов нефтяной и газовой промышленности. За относительно короткий срок — чуть более 30 лет — в округе выросло 15 городов (всего к концу XX в. их насчитывалось 16) (Стась 2013; 2014). Преобладание в ХМАО городского населения над сельским впервые показала перепись 1970 г. В 1979 г. доля городского населения уже превышала долю сельского в 3,6 раза, а в 1989 г. — почти в 10 раз. По уровню урбанизации округ вышел на первое место в Сибири и одно из первых мест в стране (Мархинин, Удалова 1996: 95). В настоящее время в ХМАО проживает 1,5 млн человек, из них более 90 % относится к городскому населению (при средней доле городского населения по России 73 %) (О стратегии социально-экономического развития).

Данные переписей демонстрируют тенденцию постоянного роста доли горожан в общей численности обских угров. У хантов в 1979 г. — 22,6 %; в 1989 г. — 29,8 %; в 2002 г. — 34,6 %; в 2010 г. — 38,4 %; у манси в те же годы — 35,3, 45,6, 51,8, 57,3% соответственно. Статистика показывает также рост абсолютной численности городского населения у этих народов: 1979 г. — 4694 чел., 1989 г. — 6636 чел., 2002 г. — 9924 чел., 2010 г. — 11 879 чел. (ханты); 1979 г. — 2624 чел., 1989 г. — 3779 чел., 2002 г. — 5919 чел., 2010 г. — 7028 чел. (манси) (Соколова, Степанов 2008: 92; Итоги Всероссийской переписи 2012: 2111–2119). «Нас ведь теперь большинство в городах живет, трассовые поселки тоже городами можно назвать. Те, кто исконный, традиционный, способ жизни ведет, их очень мало. Если тысяча в стойбищах живет, то это очень хорошо», — говорят информанты.

В процессах формирования городского населения среди малочисленных народов Севера можно выделить два направления. Первое обусловлено внешними обстоятельствами, когда независимо от желания оно из сельского становится городским, фактически не меняя своего места жительства и продолжая вести прежний образ жизни. Это происходит при преобразовании сельских населенных пунктов в городские. Второе направление связано с изменением места жительства в связи с выездом на работу или учебу (Логинов, Попков, Тюгашев 2009: 34–35).

Во втором случае переезд северных аборигенов в город мотивирован в основном социально-экономическими причинами: улучшить качество жизни, дать хорошее образование детям, найти интересную работу и т.п. Город обладает ресурсными преимуществами занятости, комфорта, потребления и тем самым притягивает к себе все новые социальные группы северян. Приведу некоторые рассуждения на сей счет моих собеседников из числа хантов и манси.

«Деревня есть деревня. Развития там нет детям. Ну вот я по себе, по своему кругозору сужу. И думаю, дети мои такие же будут. Останутся недоумками, как я. Думаю, все-таки куда-то в город надо, где музыкальные школы, например (ни одна из дочерей в музыкальную школу не ходила — что не дано, то не дано). И все равно, здесь они получили уже какое-то образование. Все равно, понятия другие, и занятия другие, и жизнь-то другая. Там хорошо, но на сегодняшний день не жалею в том плане, что я детей сюда вывезла». «Ханты-Мансийск — это, конечно, большой этнокультурный центр. Здесь есть все-таки места, где можно реализовать себя. Это национальная газета, национальное радио, телевидение. Вот эти учебные заведения, допустим, педколледж или университет наш, или институт угроведения или музеи — где-то можно себя реализовать, если у тебя проявился интерес к родному языку и культуре, а в других местах — меньшая востребованность, и, конечно, условия здесь тоже играют немаловажную роль. Здесь идет строительство и можно пожить в человеческих условиях». «Ориентация большинства родителей — чтобы их дети получили образование и жили в городе. И только единицы тех, кому достаточно начальных классов, кто ориентирован на традиционную жизнь» (ПМА 2008).

Надо сказать, что ориентация на занятость в традиционных отраслях хозяйственной деятельности не является доминирующей и в профессиональных предпочтениях сегодняшней обско-угорской молодежи. Тяжелый

физический труд, отсутствие бытовых удобств, суженный круг общения и прочее воспринимаются большинством юношей и девушек, закончивших школы в поселках и приобщившихся к «благам цивилизации», как неприемлемые: «Молодежь не очень-то хочет ехать в леса и рыбачить. Редко кто там остается. Для них это — повернуть время вспять. Им уже надо учиться, им уже нужен телефон, им уже нужен компьютер. Им уже все это нужно, им жить надо в современном мире. Те, кто ориентирован на чисто традиционный образ жизни, они в классе 6–8 или 5 уезжают на стойбище и не возвращаются в школу» (ПМА 2008). Примечательно, что, по данным социологических опросов, в иерархии ценностей коренных народов ХМАО возможность заниматься традиционными видами деятельности стоит на последней, десятой, позиции (Харамзин, Хайруллина 2002: 114–115).

Вместе с тем стоит отметить, что массовые передвижения северных аборигенов в сторону города носят во многом вынужденный характер. «В деревне никакой перспективы, — говорят информанты. — Человек где чувствует себя удобно? Где родился, там и пригодился. Например, если он родился в деревне, его тянет туда. Вот О. родилась в стойбище, ее тянет в стойбище. И там она чувствует себя человеком. Здесь она теряется. А почему не едут в деревню-то? Что они будут там делать? Тем же, чем, смотрят, их родители занимаются — пьянством что ли? Для этого надо поднять деревни, статус деревни поднять надо, чтобы там были рабочие места какие-то, чтобы условия были созданы. Допустим, многие у меня хотели <поехать после учебы в деревню>. И где там жить? И где работать? Школы нет, дома нет, куда ехать? А согласны поехать в деревню, но условий нет для этого» (ПМА 2008). Ряд острых социально-экономических проблем в сельской местности, в число которых входит безработица, низкий уровень жизни коренного населения и тому подобное, способствует тому, что число людей (особенно молодых), желающих сменить место прежнего жительства на город, постоянно растет (Волдина 2007: 131). Наиболее подготовленные из них адаптируются к новым условиям и становятся городскими жителями, остальные возвращаются обратно на малую родину.

Городские аборигены* — кто они?

Итак, город все больше расширяет свои границы, становясь средой жизнедеятельности северных аборигенов. Сообразно этому меняется исследовательское поле этнологов/антропологов, возникают новые методо-

* Под городскими аборигенами здесь понимаются представители коренных малочисленных народов Севера, проживающие в городе.

логические и методические проблемы. «Эти городские пространства являются стимулирующим и проблематичным исследовательским полем, поскольку сталкивают нас с чем-то необычным, что требует выработки новых теоретических и практических ответов» (Коуп 2010). Большую проблему для исследователя в городском «поле», как верно заметила И.А. Разумова, составляют поиски новых технологий работы с информантами в силу кардинальных различий городских и сельских коммуникаций. «Парадоксально, но близкая антропологу городская социальная среда оказывается более закрытой, — пишет она. — Поиск человека и установление контакта с ним в деревне, будь то сельский дом или улица, значительно проще, нежели в городском пространстве, в котором частная жизнь полностью приватизирована, на дверях подъездов установлены домофоны, а потенциальный информант осведомлен о своих правах на информацию, ценит свободное время и не хочет выступать в роли “объекта изучения”» (Разумова 2010: 155). Исследователи отмечают изменившийся контекст полевой этнографической работы и ищут новые подходы к познаваемым объектам (см.: Пивнева 2017б) и др.).

Что касается объекта изучения, прежде всего следует определиться с содержательным смыслом понятия «городские аборигены». Представляет ли оно некое качественное своеобразие, особый феномен?

Этот вопрос имеет смысл рассматривать в контексте существующей в среде малочисленных народов Севера социальной дифференциации, поскольку, как заметил в одной из своих публикаций С.В. Соколовский, любая культура скорее является «сложным конгломератом различных жизненных стилей, нежели ансамблем социальных и региональных (локальных) субкультур» (Соколовский 2005: 144–167). «Чем крупнее (и центральнее) населенный пункт, тем шире диапазон субкультур, что, по всей видимости, связано с рамками моделей поведения, допускаемых в данном сообществе», — пишет О. Хабек. При этом он полагает, что разнообразие стилей жизни само по себе представляет нечто иное, чем разнообразие субкультур. Субкультуры определяются не этническими, а иными признаками, и одним из таких стержней может служить, например, профессия (Хабек 2006: 66).

Следует заметить, что в этнологической литературе неоднократно говорилось о необходимости дифференцированного подхода к понятию «малочисленные народы Севера» (Соколова 1995: 27). Обычно в их среде выделяют три социальные категории: 1) сельское население, занятое в традиционных отраслях хозяйства, отчасти сохраняющее традиционное расселение, образ жизни и культуру; 2) сельское население, не занятое в традиционных отраслях хозяйства и живущее в поселках; 3) жители

городов, по образу и уровню жизни мало или почти не отличающееся от остального населения (Там же: 37–38). Это деление в общих чертах отражает и адаптивные возможности отдельных социальных слоев северных аборигенов. Однако современная ситуация требует более дробного деления в рамках каждой из этих категорий.

Сегодня все более очевидно, что интересующее нас городское население неоднородно и состоит из множества разнообразных страт (=подгрупп), при этом границы между ними могут строиться на самых разных основаниях (образование, профессия, благосостояние и пр.). Существует множество подходов и представлений в понимании социальной стратификации. Важно подчеркнуть, что стратификационные модели могут быть многослойны, многомерны и вариативны (основы такого подхода были заложены уже в работах М. Вебера, который исследовал взаимозависимость между различными критериями стратификации) (см.: Вебер 1994).

Если брать за основу этнокультурные характеристики, среди городских жителей можно выделить тех, кто сохраняет фольклорно-бытовые и обрядовые элементы культуры (так называемые носители культуры), проявляет интерес только к профессиональным ее формам, наряду с широким общекультурным кругозором. Они могут также различаться в способах получения этнокультурной информации — путем непосредственного межличностного контакта (традиционный способ) или с помощью средств массовой коммуникации и книг (так называемые внеконтактный способ) (Старовойтова 1987: 152–153). В качестве примера конструирования социальных границ можно привести работу Л.Н. Хаховской о городских аборигенах города Магадана. На основе сложившихся культурных практик этноориентированной деятельности автор обозначает в их среде такие «позиции», как «чиновник», «культработник», «свободный художник» и «предприниматель» (Хаховская 2014: 39). (В случае с обскими уграми этот список можно было бы дополнить «научным работником» и «спортсменом».)

А что думают по поводу социальной дифференциации сами аборигены? На мои вопросы «*Какие группы в среде вашего народа вы могли бы выделить? Что лежит в основе такого деления?*», которые я задавала в г. Ханты-Мансийске представителям хантов и манси, в большинстве случаев был получен примерно такой ответ: «Раньше-то всегда было деление по принадлежности к реке. По сути, это и остается — “живущие там-то”. При этом я не уточняю, где ты живешь — в поселке или городе. Она — кондинская, она — сосьвинская, она — обская»* (ПМА 2008).

* В этнографической литературе маркерами относительно устойчивых этнокультурных единиц и связанных с ними идентичностей у обских угров считаются

То есть для города по-прежнему актуальна территориальная (локальная) идентичность, связанная с местом рождения и/или социализации того или иного человека (или группы).

На вопрос «*Существует ли в среде вашего народа деление на “городских” и “сельских”?*» мне отвечали, что «городских нету», «городские не сложились». Вариант ответа: «Манси — народ маленький, он не может сильно разделиться. Нет такого количества людей, чтобы их можно было разделить, это маленькая группа. Они могут в городе жить, в деревне, но они все родственные по душе <...> У тех, кто живет в городе, у каждого есть корни — где-то в деревне. Если эти корни отрываются, то исчезает сама система. История же складывается из людей» (ПМА 2017).

Тем не менее новая социальная дифференциация находит отражение в идентичности современных северян (см.: Пивнева 2017а). Мои полевые материалы показывают, что в общественном сознании обских угров дифференциация на «городских» и «сельских» сегодня зачастую проходит по линии достатка, позволяющего оказывать помощь своим деревенским сородичам. Приведу выдержку из интервью:

«Почему он — городской житель? Сельские на него смотрят — он помогает, может помочь своим, кто в деревне живет. Те-то считают, что кто в городе живет, тот богатый. Он может им помочь купить мотор (моторы сейчас дорогими стали). В деревне в основном что надо? Мотор купить.

А богатый — это кто?

Помогает который, родственникам своим помогает. Может помочь. Они же его ждут. Летом он приезжает, подарки привозит. Снегоход еще поможет купить.

То есть городские — это богатые, обеспеченные?

Да, они же живут лучше, чем деревенские. В материальном плане, в смысле — заработок хороший, жизнь как бы лучше. Это — со стороны деревенских» (ПМА 2017).

В качестве своеобразных критериев отнесения к «городским» перечисляются следующие: «Хорошая квартира в каменном доме. Горячая вода.

групповые самоназвания *ёх* (хант.) и *махум* (манс.) — «люди» (в привязке к названию конкретной местности). Их соотносят с территориальной группой, отличительными признаками которой являются особенности языка, поклонение определенному божеству-покровителю данной группы («какому богу молятся») и специфика в элементах одежды (Соколова 1970: 126; 1990: 24–25; Федорова 2000: 301–302 и др.).

Машина. Дача. И работа, конечно». Но и при наличии этих «атрибутов» человек может не чувствовать себя городским «по менталитету»: «Если даже будет все это, по менталитету я не стал <городским>. Я в городе не могу долго жить. Мне надо выехать. Командировка — это тоже как бы разрядка. А если все время в городе находиться, агрессия начинается. Городские люди — очень агрессивные <...> Хантам и манси нужна земля, природа. У них у всех должна быть дача — островок природы, который их связывает. Дача, там, рыбалка. Если этого не будет, они захиреют» (ПМА 2017).

Отсутствие четкого «городского» самосознания у представителей городских аборигенов отчасти можно объяснить тем, что процессы урбанизации начались у обских угров по историческим масштабам относительно недавно. Те, кого сегодня можно было бы назвать городскими, за небольшим исключением так или иначе поддерживают связь со своими сельскими родственниками*. Начало формирования «городских» хантов и манси, как было сказано выше, относится к 1960–1970-м годам. В основном этот новый слой населения формировался за счет людей, окончивших средние специальные и высшие учебные заведения, для которых проживание в городе было обусловлено родом деятельности (педагоги, медицинские работники, работники культуры и др.). Главной кузницей кадров национальной интеллигенции еще в недавнем прошлом было Ханты-Мансийское педагогическое училище (ныне Ханты-Мансийский технологический педагогический колледж), а также Ленинградский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (в настоящем РГПУ им. А.И. Герцена). Именно там обучались ханты и манси, из среды которых вышли не только педагоги, но и писатели, журналисты, музыканты, художники, ученые и общественные деятели (Волдина 2010: 23). Новая городская среда стала естественной, а со временем и традиционной для их детей, родившихся и выросших в городе. С различными сроками адаптации к городу, в свою очередь, связаны широкие вариации образа жизни социальных подгрупп и гетерогенность социокультурных процессов в городе.

* Похожие выводы были получены Е.Н. Лярской на примере ямальских ненцев. Она пишет: «В результате сложного сочетания государственной политики и внутренних процессов, происходящих среди коренных жителей Ямала <...> создалась группа оседлого населения, которая сегодня связана с кочевниками тысячами нитей: узами родства и дружбы, огромным количеством взаимных обязательств, экономических и прочих интересов <...> Это позволяет говорить о едином сообществе, а не о двух связанных между собой группах» (Лярская 2016: 63).

«Старшее поколение ушло, сейчас общество лучше адаптировано»: вариативность адаптационных стратегий

Полевые материалы свидетельствуют о том, что женщины из числа народов Севера участвуют в процессах урбанизации активнее и успешнее, чем мужчины*. Один из моих информантов из числа манси так объяснил этот феномен:

«Манси-мужчины не адаптированы к условиям городской жизни. По менталитету они, как вам сказать, пассивные, но пассивность эта дает продолжительность жизни, долго жить будут. Не надо сильно спешить, гнаться <...> потом сердце останавливается, и все. А они так рассчитаны на монотонность, на длину жизни, понимаете? Поэтому они в город не хотят ехать, сколько их приглашали. Многие манси не могут жить в городе, ему плохо здесь. Он в городе зачахнет. Ему нужно на рыбалку ездить, еще что-то. Он говорит: “Ну что я буду здесь делать? Приду в квартиру, телевизор буду смотреть. Ну, пива могу выпить, и все”. А в деревне он себя чувствует нормально <...> Не надо их тащить в город, им там легче жить, лучше жить, им там хорошо.

А почему женщины легче адаптируются к городской жизни?

А женщины, они... ну, больше думают о жизни. Они как бы стремятся. Потому что если бы они не стремились, то манси вообще, наверное, исчезли бы все... Они раньше выходили за русских, за украинцев там. А сейчас другая тенденция идет — они за мусульман выходят — за турков, за таджиков. Потому что те не пьют, дети здоровые рождаются, и есть влияние мужчин. Не пьют и не бьют их... Позволяют ребенка воспитывать в традиционной культуре, у них есть понимание на сей счет» (ПМА 2010).

В этом интервью были упомянуты межэтнические браки, которые стали весьма распространенным явлением в среде коренных народов Севера, в том числе обских утров, особенно их женской части** (Мархинин,

* Согласно переписи 2010 г., в городах проживают 6760 женщин и 5119 мужчин из числа хантов, 3913 женщин и 3115 мужчин — из числа манси (Итоги Всероссийской переписи 2012: 2113, 2116).

** Одна из причин состоит в том, что в миграционных процессах, связанных с освоением минерально-сырьевых ресурсов Западной Сибири, преобладали молодые мужчины. Большую часть этнически смешанных браков образовывали женщины из числа коренных малочисленных народов Севера, вышедшие замуж за представителей так называемого пришлого населения.

Удалова 1997; 2002; Харамзин, Хайруллина 2002; 2006). При всей неоднозначности вопроса о значении и последствиях этнического смешения через браки результаты социологических исследований и некоторые конкретные примеры из полевой практики свидетельствуют в пользу того, что так называемые метисы более конкурентоспособны и социально активны в современном модернизированном обществе, чем их «чистокровные» сородичи. «Их социально-профессиональный статус выше. Среди них меньше безработных. Их быт более крепко и надежно устроен. Брачная ситуация более благополучна: среди них меньше разведенных и вдовствующих», — пишут по этому поводу В.В. Мархинин и И.В. Удалова (Мархинин, Удалова 2002: 81). Дети, выросшие в этнически смешанных семьях, национальность определяют, как правило, по одному из родителей, относящемуся к коренным малочисленным народам Севера, что влияет как на общую численность хантов и манси, так и на соотношение полов в составе городского населения*.

У женщин из числа коренных малочисленных народов Севера более высокий, чем у мужчин, уровень образования. С этим, в свою очередь, связана потенциальная возможность найти в городе приемлемую работу и устроить свою судьбу. Надо сказать, что образование стало неотъемлемой частью стратификационных характеристик современных аборигенных сообществ, прямо и опосредованно этот фактор влияет на экономическое положение индивида, его профессиональный рост, продвижение по социальной лестнице. Получение высшего образования становится одним из основных способов социальной адаптации и интеграции северных аборигенов в современных условиях, в том числе к условиям города (см.: Тишков и др. 2016: 6). По словам Т.В. Волдиной (ханты, сотрудник Обско-ургорского института прикладных исследований и разработок), «получение образования открывает многие жизненные перспективы. Как известно, профессиональные кадры наиболее востребованы в городах, где легче трудоустроиться, а стабильная заработная плата позволяет повысить уровень жизни семьи». Кроме того, это также и «возможность войти в новый мир, по-новому взглянуть на себя и на свое место в этом мире». Неслучайно современная социальная структура городских аборигенов Ханты-Мансийска отличается значительным числом людей с высшим, а также со средним профессиональным образованием. Этническую интеллигенцию составляют работники культуры, образования и науки,

* По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., у хантов доля женщин среди горожан составляла 56,9 % (ХМАО — 56,2 %); у манси — 55,7 % (ХМАО — 55,6 %) (Итоги Всероссийской переписи 2012: 2193, 2204).

средств массовой информации, здравоохранения, поэты и писатели. Их Т.В. Волдина сравнивает со своеобразным «мостиком» — от традиционной культуры в современную российскую и мировую культуру (Волдина 2007: 134).

Поскольку, как было сказано выше, одним из основных механизмов, благодаря которому северные аборигены могут «закрепиться» в городе, является получение высшего образования, особого внимания заслуживает вопрос об адаптации и интеграции в городе учебных мигрантов из числа КМНС, на что обращают внимание многие исследователи (Давыдов 2005; Сазонова 2009; Куликова 2015). Молодежь из числа малочисленных народов Севера, приезжающая в город на учебу, поставлена перед необходимостью овладения новыми нормами, ценностями, представлениями, правилами, предписаниями, ограничениями, охватывающими и регламентирующими практически все стороны жизни. В посвященной этой теме работах студенты-северяне рассматриваются как группа, самоорганизующаяся на основе общих компонентов «традиционного мировоззрения», культурных паттернов и нарративов, а также стимулирующего воздействия внешней, «чужой» для них социокультурной среды (Давыдов 2007: 18).

Мои полевые наблюдения в г. Ханты-Мансийске, а также в Санкт-Петербурге, показывают, что для сегодняшних учебных мигрантов характерна в основном активная жизненная позиция, позитивная адаптация к новым условиям, достаточно хорошие профессиональные качества, которые позволяют некоторым из них остаться после окончания высших учебных заведений в городе. В то же время встречаются примеры, свидетельствующие о существовании в студенческой среде серьезных проблем: «Северьянам очень сложно адаптироваться в городе — город большой, море развлечений, море всего. Они же этого никогда ничего не видели. Поэтому кто в гулянку ударялся, кто в какие-то секты попадал. Вот так вот было. Они сразу на это все это набрасывались, город их так захватывал, кого-то в положительную сторону, а кого-то — в отрицательную. Сколько случаев было, когда студенты-северяне выбрасывались из окон» (ПМА 2006, из беседы с бывшей студенткой РГПУ им. А.И. Герцена).

В приведенном выше примере речь идет о Санкт-Петербурге. В Ханты-Мансийске выявляются другие сложности. Некоторые преподаватели вузов, где обучается молодежь из числа малочисленных народов Севера, сетуют на льготное отношение к учебе и неготовность к труду студентов-северян. Приведу выдержки из бесед с преподавателями Югорского государственного университета:

Инф. 1: «Студенты ходят толпами — когда будет дотация, когда будет дотация. Дотация нужна, и спасибо, что дают, но отдачи нет. Я считаю, что давать надо только тем, кто дает отдачу, за хорошую учебу. Кто действительно учится, кто действительно работает, учеба ведь — это работа. Ведь стыдно, когда наши коменданты в общежитиях с ужасом ждут, когда будет дотация. Что они вытворяют, когда получают дотации! Ведь в генах, как вы знаете, нет фермента. Выпил рюмку, шумит на бутылку целую <...> Они пьют безбожно, не ходят на занятия месяцами».

Инф. 2: «Привилегии “другим боком” начинают поворачиваться. Тут студенты ханты и манси очень вольготно себя ведут. Захотели — пришли, захотели — не пришли на занятия. Их начинаешь гнать, они к депутатам идут. А депутаты приходят разбираться, восстанавливают их <...> Такое отношение вряд ли можно отнести к трудностям адаптации к городской жизни. Во всяком случае, к пятому курсу-то вряд ли это относится. Кто испытывает такие трудности, они обычно раньше отсеиваются. Их даже не выгоняют, они сами уходят. Есть такие. Тут же рано утром надо вставать, ехать сюда, целый день учиться. Кто не привык работать, тот, конечно, уходит сам, а кто привык работать, те заканчивают нормально» (ПМА 2006).

Преподаватели обращают внимание также на то, что к городским условиям быстрее адаптируется поселковая молодежь (нежели выходцы из более мелких населенных пунктов) и на необходимость особого подхода к последним: «“Стойбищные”, из маленьких деревень, они очень комплексуют — замкнутые. Я считаю, что преподавателям, которые работают с северянами, нужно знать характер и менталитет народов Севера. Ведь стоит только обидеть стойбищного ребенка, даже сказать, даже посмотреть не так, и все... он замыкается, ему уже ничего не мило, он ничего не хочет знать. Это очень ранимые существа. И надо как-то бережно относиться к этим детям. Нужен психолог, знающий психику народов Севера» (ПМА 2008).

Адаптироваться к городской среде менее болезненно и с меньшим риском позволяют родственные и земляческие отношения. Первые дружеские связи студенты стремятся завязать с земляками, стараются поселиться в общежитиях ближе друг к другу в пространственном отношении. Таким образом, для студента-северянина пространство города оказывается пронизанным транслокальными родственными и земляческими связями (Давыдов 2007: 19). Это наблюдение В.Н. Давыдова, имеющее отношение к Санкт-Петербургу, можно отнести и к Ханты-Мансийску.

Не менее актуальна, чем в случае с молодежью, проблема адаптации к городским условиям пожилых людей. В истории советских преобразований, связанной с проводимой на Севере и в Сибири политикой «укрупнения» и «оседания», известны случаи, когда резкая смена существующих в традиционном обществе стереотипов сопровождалась психологическим дискомфортом, который Н.К. Партанов (манси, сотрудник музея «Торум Маа») в одной наших бесед назвал «дисгармонией»: «Вот, например, у нас переселили людей из деревни в Ванзетур. Построили двухэтажный дом. Там есть горячая вода, отопление <...>. Но те жители, которых туда переселили, долго не прожили, потому что поселили мужчин, а над ними — женщин. Они чувствовали себя дисгармонично, поэтому пожилые люди там долго не прожили. От дисгармонии человек увядает. Если бы переселили в отдельные дома, где можно было бы почистить снег, присмотреть за скотом, чем они всю жизнь занимались, как они привыкли, — другое дело» (ПМА 2010).

Сегодня в ряде случаев жизненные ситуации заставляют пожилых людей покидать свои родные места (в основном по состоянию здоровья) и переезжать к проживающим в городах родственникам. Чем старше человек, тем труднее проходит привыкание к новым для него условиям жизни. Городская среда оказывается непонятной, а подчас и агрессивной для «людей природы». Вот лишь один из примеров.

Отца Вы перевезли в город по болезни?

Да. На пятый этаж... Он болеет, ну как не будет болеть, он же рыбак, он привык на природе. Это же тяжело, сидеть в этом скворечнике. А я вот сейчас живу. Конечно, мы стараемся. Что крестьяне, то и обезьяне. Что добрые люди, то и кривая Марья. Все живут в хороших квартирах, и нам надо <...>

Как мама привыкала к жизни в городе?

Сложно, хотя она знала русский язык. Самым тяжелым было общение. Она привыкла со своими общаться, на своем родном языке. А здесь город маленький, все друг друга знали. И любимое занятие бабулечек на лавочке — всех обсуждать. Вот она такая-сякая. Моя заходит и говорит: «Что за женщины, им заняться нечем. Они только людей обсуждают, других разговоров у них нет». И у нее даже давление поднимается, нервничать начинает (ПМА 2008).

Очень важной, но трудноразрешимой проблемой для переехавших в город стариков становится их желание быть похороненными согласно традиции. «Не получится. Никак не получится. Какие там могилы

побольше! На новом кладбище строго отмеряно столько-то, там даже между оградками с трудом протиснешься <...> Ну хорошо, пусть даже гроб будет несколько больше, чем обычные стандартные гробы. Сегодня за деньги можно заказать что угодно. Но ты домовину не сделаешь, потому что здесь на русском кладбище так не принято, кто тебе позволит? Тебе надо будет купить памятник и все сделать стандартно, как у всех. Потому что ты попал в чужую среду, ты должен играть по ее правилам. Хочешь по своим традициям быть похороненным, пожалуйста — в своей среде, на своем кладбище» (ПМА 2010). Существуют некоторые примеры «оправдательных действий» культуры, вынужденной отходить от традиционных норм (Лапина 1998). «Да, но дискомфорт мы ощущаем все-таки от того, что нам приходится вот так вот делать», — утверждают информанты.

В заключение можно констатировать, что под влиянием урбанизации среди обских угров растет и качественно усложняется социальная дифференциация. В городском пространстве в настоящее время формируется специфическая социокультурная среда, включающая представителей разных диалектно-этнографических групп. Они заняты в различных сферах деятельности, имеют свои ценности и предпочтения. Неоднородность городской этнической группы усиливается тем, что она сформирована из мигрантов разных «волн». С различными сроками адаптации к городским условиям, в свою очередь, связаны широкие вариации черт образа жизни социальных подгрупп и гетерогенность социокультурных процессов в городе (Пивнева 2017а: 230). Результаты исследования выявляют корреляцию успешности адаптации к городу с полом (женщины в этом смысле более адаптивны) и возрастом (чем старше человек, тем труднее проходит привыкание к новым условиям).

В качестве важнейшей особенности городских аборигенных сообществ выявляется их промежуточное (переходное) этнокультурное состояние и незавершенность формирования городской идентичности. Вместе с тем жители города отличают себя от сельского окружения с помощью ряда маркеров, некоторые из них были проанализированы в статье. Полевые материалы показали, что в общественном сознании обских угров дифференциация на «городских» и «сельских» сегодня зачастую проходит по линии достатка — городские считаются лучше обеспеченными в материальном плане, что позволяет им оказывать помощь своим деревенским сородичам. Вероятно, определенную роль играют «социальный капитал», различного рода знания (включая юридическую помощь), предоставление жилья и пр. Продолжение работы видится в поисках набора таких маркеров «городской идентичности», в выявлении связанного с нею норма-

тивного комплекса, а также реконструкции социальных структур, которые воспроизводятся на базе этих норм.

В отечественном сибиреведении вопросы, связанные с современной социальной стратификацией обских угров, гендерные и возрастные особенности урбанизации практически не изучены, хотя имеют большое социальное значение. Именно этнографическое/антропологическое знание может помочь людям в вопросах создания «этнического комфорта» в городе. Как научный, так и прикладной интерес в данном контексте представляет изучение позитивного опыта адаптации конкретных представителей северных народов, а также родственных и земляческих отношений, которые позволяют вновь приезжающим менее болезненно и с меньшим риском адаптироваться к новой среде.

Выражение благодарности

Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Арктика — научные основы технологий освоения, сохранения и развития» (проект «Качество и стили жизни коренных народов Арктики в условиях социальных трансформаций»).

Литература

Вебер М. (1994) Основные понятия стратификации. *Социологические исследования*, 5: 169–183.

Волдина Т.В. (2007) Ханты и манси в столице Югры (социологические заметки). *География и экология города Ханты-Мансийска и его природного окружения*. Ханты-Мансийск: Информ. издат. центр: 129–142.

Волдина Т.В. (2010) Вклад казымских хантов в современную культуру Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Игушев Е.А., Молданова Т.А., Лельхова Ф.М. (ред.). *Казымские чтения: мат-лы науч.-практ. конф.* Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ: 21–25.

Давыдов В.Н. (2007) *Этнокультурная аутентичность представителей молодежи из числа коренных малочисленных народов Севера в российском мегаполисе*. Автореф. дис. ... канд. соц. наук. М.

Давыдов В.Н. (2005) Студенты-северяне в крупном городе: проблема адаптации, социальные связи и взаимодействия, этнокультурная аутентичность. Андюсов Б.Е. (ред.) *Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность*. Вып. 1. Красноярск: КГПУ: 58–66.

Деревянко А.П., Тишков В.А. (ред.) (2015) *Традиции и инновации в истории и культуре*. М.: ОИФН РАН, ИЭА РАН.

Коуп Б. (2010) Форум: Исследования города. *Антропологический форум*, 12: 86–93.

Куликова А.Н. (2015) Проблемы адаптации эвенкийской молодежи в городской среде на примере Нерюнгринского и Алданского районов Республики Якутия. Халдеева Н.И., Баринаева Е.Б. (ред.). *Антропология города глазами молодых исследователей. По материалам конференции молодых ученых. Москва, 22–24 декабря 2014 г.* М.: ИЭА РАН: 49–55.

Лапина М.А. (1998) *Этика и этикет хантов*. Томск: Изд-во Томского ун-та.

Логинов В.Г., Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. (2009) *Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: политико-правовой статус и социально-экономическое положение*. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН.

Лопуленко Н.А., Тишков В.А. (2006) Аборигены Севера США и Канады в условиях глобализации. Молодин В.И., Тишков В.А. (ред.) *Межэтнические взаимодействия и социокультурная адаптация народов Севера России*. М.: ИД «Стратегия»: 353–381.

Лярская Е.Н. (2016) «Кому-то тоже надо и в городе жить...»: некоторые особенности трансформации социальной структуры ненцев Ямала. *Этнографическое обозрение*, 1: 54–70.

Мартынова М.Ю. и др. (ред.) (2013) *X Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. Москва, 2–5 июля 2013*. М.: ИЭА РАН.

Мархинин В.В., Удалова И.В. (1996) *Межэтническое сообщество. Состояние, динамика, взаимодействие культур*. Новосибирск: Наука.

Мархинин В.В., Удалова И.В. (1997) *Межэтнические браки: состояние, динамика, проблемные ситуации (по материалам социологической экспедиции в национально-смешанные поселения Ханты-Мансийского, Октябрьского и Березовского районов Ханты-Мансийского автономного округа)*. Новосибирск: СО РАН.

Мархинин В.В., Удалова И.В. (2002) *Традиционное хозяйство народов Севера и нефтегазовый комплекс*. Новосибирск: Наука.

Новикова Н.И., Функ Д.А. (ред.) (2012) *Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера России*. М.: ИЭА РАН.

Павлинская Л.Р., Федорова Е.Г. (ред.) (2005) *Сибирь на рубеже тысячелетий. Традиционная культура в контексте современных экономических, социальных и этнических процессов*. СПб.: Европейский Дом.

Пивнева Е.А. (2012) Этнические бренды ХМАО — Югры. *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*, 4(19): 206–211.

Пивнева Е.А. (2016) Институты и практики «этновосстановления» у народов Западной Сибири (по обско-угорским материалам). *Вестник Томского государственного университета. История*, № 5(43): 85–89.

Пивнева Е.А. (2017а) Северный город как этнографическое поле: поиск новых измерений. *Поле как жизнь: к 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН*. М.; СПб.: Нестор-История.

Пивнева Е.А. (ред.) (20176) *Поле как жизнь: к 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН*. М.; СПб.: Нестор-История.

Пивнева Е.А., Функ Д.А. (ред.) (2005) *В поисках себя: Народы Севера и Сибири в постсоветских трансформациях*. М.: Наука.

Поворознюк О.А., Функ Д.А. (ред.) (2016) Урбанизация и аборигенные культуры на циркумполярном Севере и в Сибири. *Этнографическое обозрение*, 1.

Разумова И.А. (2010) Форум: Исследование города. *Антропологический форум*, 12: 148–156.

Тишков В.А., Коломиец О.П., Новикова Н.И., Мартынова Е.П., Пивнева Е.А., Терехина А.Н. (2016) *Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение*. М.: СПб.: Нестор-История.

Сазонова О.К. (2009) Современные подходы в понимании проблем социально-психологической адаптации студентов — представителей коренных и малочисленных народов. *Мир науки, культуры, образования*, 7: 132–135.

Соколова З.П. (1970) Социальная организация обских угров и селькупов. *Общественный строй у народов Северной Сибири*. М.: Наука: 103–153.

Соколова З.П. (1990) *Эндогамный ареал и этническая группа*. М.: ИЭА РАН.

Соколова З.П. (1995) Концептуальные подходы к развитию малочисленных народов Севера. *Социально-экономическое и культурное развитие народов Севера и Сибири: традиции и современность*. М.: ИЭА РАН.

Соколова З.П., Степанов В.В. (2008) Категория «коренные малочисленные народы Севера» и проблема статистического учета. Филиппова Е.И. (ред.) *Этнические категории и статистика. Дебаты в России и во Франции*. М.: ФГНУ «Росинформагротех»: 71–92.

Соколовский С.В. (2005) Институты и практики производства и воспроизводства этничности. *Этнометодология: проблемы, подходы, концепции*. Вып. 11. М.: Наследие: 144–176.

Соколовский С.В. (2014) Городская повседневность, субкультуры и российская городская этнография. *Этнометодология: проблемы, подходы, концепции*. Вып. 18. М.: Наследие.

Старовойтова Г.В. (1987) *Этническая группа в современном советском городе*. Л.: Наука.

Стась И.Н. (2013) Индустриализация Ханты-Мансийского округа как основной фактор развития городов нефтяников во второй половине XX в. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*, 2: 95–102.

Стась И.Н. (2014) *Урбанизация Ханты-Мансийского автономного округа в период нефтегазового освоения (1960-е — начало 1990-х гг.)*. Автореф. дис. ... к.и.н. Томск.

Тишков В.А. (ред.) (2004) *Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Независимый экспертный доклад*. М.; Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.

Трубина Е.Г. (2016) Городская антропология: сложное наследство специализации. *Этнографическое обозрение*, 4: 102–119.

Федорова Е.Г. (2000) Северные манси в последней четверти XX века. *Этнография народов Западной Сибири. К юбилею д.и.н., проф. З.П. Соколовой*. М.: ИЭА РАН: 300–309.

Функ Д.А. (ред.) (2014) Коренные народы Севера — горожане арктических широт. *Сибирские исторические исследования*, 2. Спецвыпуск.

Функ Д., Бич Х., Силанпя Л. (ред.) (2006) *Практика постсоветских адаптаций народов Сибири*. М.: ИЭА РАН.

Хабек Й.О. (2006) Гендер, «культура», северные просторы. *Этнографическое обозрение*, 4: 59–68.

Халдеева Н.И., Баринаева Е.Б. (ред.) (2015) *Антропология города глазами молодых исследователей. По материалам конференции молодых ученых. Москва, 22–24 декабря, 2014 г.* М.: ИЭА РАН.

Харамзин Т. Г., Хайруллина Н. Г. (2002) *Традиционный уклад и образ жизни обских угров (по материалам социологических исследований)*. М.: ИКАР.

Харамзин Т.Г., Хайруллина Н.Г. (2006) *Мониторинг социального самочувствия обских угров*. СПб.: ООО «Миралл».

Хаховская Л.Н. (2014) Аборигены в городе: этнокультурный облик жителей Магадана. *Сибирские исторические исследования*, 2: 39–59.

Шабаев Ю.П., Жеребцов И.Л. (ред.) (2013) *Антропология города. Вып. 1. Культурные символы и образы в городском пространстве. Этничность и городская идентичность*. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН.

Швайцер П. (2016) Коренные народы и урбанизация на Аляске и на Канадском Севере. *Этнографическое обозрение*, 1: 10–22.

Donahoe B., Habeck J.O. (eds.) (2011) *Reconstructing the House of Culture: Community, Self, and the Makings of Culture in Russia and Beyond*. N.Y.: Berghahn Books.

Habeck J.O. (2014) *Das Kulturhaus in Russland. Postsozialistische Kulturarbeit zwischen Ideal und Verwahrlosung*. Bielefeld: transcript.

Kasten E. (ed.) (2005) *Rebuilding Identities: Pathways to Reform in Post-soviet Siberia*. Vol. 3. Siberian Studies. Berlin: Dietrich Reimer Verlag.

Beach H., Funk D., Sillanpaa L. (ed.) (2009) *Post-Soviet Transformations: Politics of Ethnicity and Resource Use in Russia*. Uppsala: Uppsala Universitet.

Источники и материалы

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство. Кн. 3.

О стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа Югры до 2020 года и на период до 2030 года. Распоряже-

ние Правительства Ханты-Мансийского Автономного округа — Югры от 22.03.2013 г. № 101-пп [<http://e.120-bal.ru/ekonomika/12939/index.html>] (дата обращения: 28.04.2018).

ПМА — Полевые материалы автора. Основные сведения приводятся по городу Ханты-Мансийску Ханты-Мансийского автономного округа — Югры.

Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30 апреля 1999 № 82-ФЗ [<http://www.consultant.ru>] (дата обращения: 28.04.2018).

“BUT STILL, DISCOMFORT WE FEEL”: THE OB UGRIANS IN THE PROCESSES OF SOCIO-CULTURAL ADAPTATION TO THE CONDITIONS OF THE CITY

Elena Pivneva (pivnel@mail.ru)

Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Citation: Pivneva E. (2018) “No diskomfort my vse-taki oshchushchayem”: obskiyе ugray v protsessakh sotsiokul’turnoy adaptatsii k usloviyam goroda [“But still, discomfort we feel”: the Ob Ugrians in the processes of socio-cultural adaptation to the conditions of the city]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 21(4): 104–129 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.4.5>

Abstract. The article is based on authors’ field studies in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Ugra (mainly in the city of Khanty-Mansiysk) as well as on the results of the interviews in St. Petersburg (Institute of the Peoples of the North at The Herzen State Pedagogical University), and dedicated to the study of modern adaptation strategies and practices of Ob Ugrians (the Khanty and the Mansi) to urban conditions. The author based her research on the analysis of the “life histories” of Khanty and Mansi, the members of different social categories. Until now, the cultural complexes of these peoples were regarded as options for optimal adaptation to the harsh nature. The process of excluding the indigenous small-numbered peoples of the North from the traditional economy and their migration, sometimes forced, into large towns and cities led to a sharp stratification of this category of population and the creation of various adaptation strategies and practices. The field work material is explored in the article in the context of the concept of multivariate self-development, which assumes the use of different approaches to the various social groups of the aboriginal population. The Ob Ugrian urban population has a complex composition, including people of different dialectal ethnographic groups (their representatives are engaged in various spheres of activity, have their own values, norms, preferences). Particular attention is paid to the gender and

age specific features of urbanization, as well as the role of education in the process of adapting the Khanty and Mansi to the urban way of life. A conclusion is drawn about the heterogeneity of sociocultural processes in the city. The author emphasizes that ethnographic / anthropological knowledge can help people in creating “ethnic comfort” in the city. Particularly revealing in this context is the study on the positive experience of adaptation of northern peoples, as well as research on their kinship and place of origin relations, which allow newcomers to less painfully and with less risk adapt to the new environment.

Keywords: Ob Ugrians, Khanty-Mansiysk, socio-cultural adaptation, urbanization, social stratification, ethnic comfort.

Acknowledgements

The work was carried out within the framework of the Basic Research Program of the Presidium of the Russian Academy of Sciences “The Arctic — the scientific foundations of technologies of exploration, preservation and development” (project “The quality and life styles of indigenous peoples of the Arctic under conditions of social transformations”).

References

- Cope B. (2010) Forum: Issledovanija goroda [Forum: Urban Research]. *Antropologicheskij forum* [Forum for Anthropology and Culture], 12: 86–93 (in Russian).
- Davydov V.N. (2005) Studenty-severjane v krupnom gorode: problema adaptacii, so-cial'nye svjazi i vzaimodejstvija, etnokul'turnaja autentichnost' [Students-northerners in a large city: the problem of adaptation, social relations and interaction, ethno-cultural authenticity]. In: Andyusev B.E. (ed.) *Sibirskij subetnos: kul'tura, tradicii, mental'nost'* [Siberian subethnos: culture, traditions, mentality]. Vyp. 1. Krasnojarsk: KSPU: 58–66 (in Russian).
- Davydov V.N. (2007) *Etnokul'turnaja autentichnost' predstavitelej molodezhi iz chisla korennykh malochislennykh narodov Severa v rossyskom megapolise* [Ethnocultural authenticity of representatives of youth from indigenous minorities of the North in Russian metropolis]. Avtoref. dis. ... kand. soc. nauk. M. (in Russian).
- Derevyanko A.P., Tishkov V.A. (eds.) (2015) *Tradicii i innovacii v istorii i kul'ture* [Traditions and innovations in history and culture]. Moscow: DHP RAS, IEA RAS. (in Russian).
- Donahoe B., Habeck J.O. (eds.) (2011) *Reconstructing the House of Culture: Community, Self, and the Makings of Culture in Russia and Beyond*. New York: Berghahn Books.
- Fedorova E.G. (2000) Severnye mansi v poslednej chetverti XX veka [The Northern Mansi in the last quarter of the 20th century]. In: *Etnografija narodov Zapadnoj Sibiri. K jubileju prof. Z.P. Sokolovoy* [Ethnography of the peoples of Western Siberia. To the jubilee of prof. Z.P. Sokolova]. Moscow: IEA RAS: 300–309 (in Russian).
- Funk D., Beach H., Sillanpaa L. (ed.) (2006) *Praktika postsovetskikh adaptacij narodov Sibiri* [The practice of post-Soviet adaptations of the peoples of Siberia]. Moscow: IEA RAS. (in Russian).

Funk D.A. (ed.) (2014) *Korennye narody Severa — gorozhane arkticheskikh shirot* [Indigenous peoples of the North as townspeople of the Arctic latitudes]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Research], 2 (in Russian).

Habeck J.O. (2006) Gender, «kul'tura», severnye prostory [Gender, "culture", northern expanses]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 4: 59–68.

Habeck J.O. (2014) *Das Kulturhaus in Russland. Postsozialistische Kulturarbeit zwischen Ideal und Verwahrlosung*. Bielefeld: transcript.

Khakhovskaya L.N. (2014) Aborigeny v gorode: etnokul'turnyj oblik zhitelej Magadana [Aborigines in the city: the ethno-cultural appearance of Magadan inhabitants]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Research], 2: 39–59 (in Russian).

Khaldeyeva N.I., Barinova E.B. (ed.) (2015) *Antropologiya goroda glazami molodykh issledovatelej. Po materialam konferencii molodykh uchenykh* [Anthropology of the city through the eyes of young researchers. Based on the materials of the conference of young scientists]. *Moskva, 22–24 dekabrja, 2014 g.* Moscow: IEA RAS (in Russian).

Kharamzin T.G., Khayrullina N.G. (2002) *Tradicionnyj ukklad i obraz zhizni obskikh ugrov (po materialam sociologicheskikh issledovanij)* [Traditional way of life and lifestyle of the Ob Ugrians (based on sociological research)]. Moscow: IKAR (in Russian).

Kharamzin T.G., Khayrullina N.G. (2006) *Monitoring social'nogo samochuvstviya obskikh ugrov* [Monitoring of social well-being of the Ob Ugrians]. St. Petersburg: OOO "Mirall" (in Russian).

Beach H., Funk D., Sillanpaa L. (ed.) (2009) *Post-Soviet Transformations: Politics of Ethnicity and Resource Use in Russia*. Uppsala: Uppsala Universitet.

Kasten E. (ed.) (2005) *Rebuilding Identities: Pathways to Reform in Post-soviet Siberia*. Vol. 3. *Siberian Studies*. Reimer.

Kulikova A.N. (2015) Problemy adaptacii evenkijskoj molodezhi v gorodskoj srede na primere Nerjungrinskogo i Aldanskogo rayonov Respubliki Yakutija [Problems of adaptation of Evenki youth in urban environment on Neryungi and Aldan regions of the Republic of Yakutia example]. In: Khaldeyeva N.I., Barinova E.B. (ed.). *Antropologiya goroda glazami molodykh issledovatelej. Po materialam konferencii molodykh uchenykh* [Anthropology of the city through the eyes of young researchers. Based on materials of the conference of young scientists]. *Moskva, 22–24 dekabrja 2014 g.* Moscow: IEA RAS: 49–55 (in Russian).

Lapina M.A. (1998) *Etika i etiket khantov* [Ethics and etiquette of the Khants]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta (in Russian).

Lyarskaya E.N. (2016) Komu-to tozhe nado i v gorode zhit'...»: nekotorye osobennosti transformacii social'noj struktury nencev Jamala ["Someone also needs to live in the city...": some features of transformation of social structure of the Yamal Nenets]. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic Review], 1: 54–70.

Loginov V.G., Popkov Ju.V., Tjugashev E.A. (2009) *Korennye malochislennye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: politiko-pravovoj status i social'no-ekonomicheskoe polozhenie* [Indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East: political and legal status and socio-economic situation]. Ekaterinburg: Institute of Economics of UB RAS (in Russian).

Lopulenko N.A., Tishkov V.A. (2006) Aborigeny Severa SShA i Kanady v usloviyakh globalizatsii [Aborigines of the North of the USA and Canada in conditions of

globalization]. In: Molodin V.I., Tishkov V.A. (eds.) *Mezhjetnicheskiye vzaimodeystviya i so-tsiokulturnaya adaptatsiya narodov Severa Rossii* [Interethnic interactions and socio-cultural adaptation of the peoples of the North of Russia]. Moscow: ID «Strategiya»: 353–381 (in Russian).

Markhinin V.V., Udalova I.V. (1996) *Mezhjetnicheskoe soobshhestvo. Sostojanie, dinamika, vzaimodejstvie kul'tur* [Interethnic community. State, dynamics, interaction of cultures]. Novosibirsk: Nauka (in Russian).

Markhinin V.V., Udalova I.V. (1997) *Mezhjetnicheskie braki: sostojanie, dinamika, problemnyye situacii (po materialam sociologicheskoy jekspedicii v nacional'no-smeshannye poselenija Khanty-Mansiyskogo, Otkjabrskogo i Berezovskogo rajonov Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga)* [Interethnic marriages: state, dynamics, problem situations (based on materials of sociological expedition to national mixed settlements of the Khanty-Mansiysk, Otkjabrsky and Berezovsky districts of Khanty-Mansi Autonomous Okrug)]. Novosibirsk: SB RAS (in Russian).

Markhinin V.V., Udalova I.V. (2002) *Tradicionnoe khozjajstvo narodov Severa i neftegazovyy kompleks* [Traditional economy of the peoples of the North and oil and gas complex]. Novosibirsk: Science (in Russian).

Martynova M.Ju. et al. (ed.) (2013) *X Kongress etnografov i antropologov Rossii. Tezisy dokladov* [X Congress of Ethnographers and Anthropologists of Russia]. Moscow, 2–5 July 2013. Moscow: IEA RAS (in Russian).

Novikova N.I., Funk D.A. (red.) (2012) *Sever i severjane. Sovremennoe polozhenie korenykh malochislennykh narodov Severa Rossii* [The North and the Northerners. The current situation of indigenous peoples of the North of Russia]. Moscow: IEA RAS (in Russian).

Pavlinkaya L.R., Fedorova E.G. (eds.) (2005) *Sibir' na rubezhe tysjacheletij. Tradicionnaja kul'tura v kontekste sovremennykh jekonomicheskikh, social'nyh i jetnicheskikh processov* [Siberia at the turn of the millennium. Traditional culture in the context of modern economic, social and ethnic processes]. St. Petersburg: European House (in Russian).

Pivneva E.A. (2012) Etnicheskie brendy KhMAO–Jugry [Ethnic brands of KhMAO–Jugra]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Surgut State Pedagogical University], 4(19): 206–211 (in Russian).

Pivneva E.A. (2016) Instituty i praktiki «etnovosstanovleniya» u narodov Zapadnoj Sibiri (po obsko-ugorskim materialam) [Institutions and practices of “ethno-recovery” among the peoples of Western Siberia (on Ob-Ugric materials)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo uni-versiteta. Istorija* [Tomsk State University Journal of History], 5(43): 85–89 (in Russian).

Pivneva E.A. (2017a) *Severnyj gorod kak etnograficheskoe pole: poisk novyh izmerenij* [Northern city as ethnographic field: search of new dimensions]. In: *Pole kak zhizn': K 60-letiju Severnoj ekspedicii IJeA RAN* [Field as life: To the 60th anniversary of the Northern Expedition of the IEA RAS]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istorija.

Pivneva E.A. (red.) (2017b) *Pole kak zhizn': K 60-letiju Severnoj ekspedicii IEA RAS* [Field as life: To the 60th anniversary of the Northern Expedition of the IEA RAS]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istorija, 2017 (in Russian).

Pivneva E.A., Funk D.A. (red.) (2005) *V poiskakh sebja: Narody Severa i Sibiri v post-sovetskikh transformacijakh* [In the Search of themselves: Peoples of the North and Siberia

in Post-Soviet Transformations]. Moscow: Nauka (in Russian).

Povoroznyuk O.A., Funk D.A. (red.) (2016) Urbanizacija i aborigennye kul'tury na cirumpoljarnom Severe i v Sibiri [Urbanization and Aboriginal Cultures in Circumpolar North and Siberia]. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic Review], 1 (in Russian).

Razumova I.A. (2010) Forum: Issledovanie goroda [Forum: Urban Research]. *Antropologicheskij forum* [Forum for Anthropology and Culture], 12: 148–156 (in Russian).

Sazonova O.K. (2009) Sovremennye podkhody v ponimanii problem social'no-psikhologicheskoy adaptacii studentov — predstavitelej korennykh i malochislennykh narodov [Modern approaches in understanding of socio-psychological adaptation problems of students — representatives of indigenous peoples]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija* [The world of science, culture, education], 7: 132–135 (in Russian).

Shabaev Y.P., Zherebtsov I.L. (ed.) (2013) *Antropologija goroda. V. 1. Kul'turnye simvoly i obrazy v gorodskom prostranstve. Etnichnost' i gorodskaja identichnost'* [Anthropology of the city. Issue. 1. Cultural symbols and images in urban space. Ethnicity and urban identity]. Syktyvkar: Institute of Language and Literature of the Komi Science Center of RAS (in Russian).

Sokolova Z.P. (1970) Social'naja organizacija obskikh ugrov i sel'kupov [Social organization of the Ob Ugrians and the Selkups]. In: *Obshhestvennyj stroj u narodov Severnoj Sibiri* [Social order among the peoples of Northern Siberia]. Moscow: Science: 103–153 (in Russian).

Sokolova Z.P. (1990) *Endogamnyj areal i etnicheskaja grupa* [Endogamous area and ethnic group]. Moscow: IEA RAS (in Russian).

Sokolova Z.P. (1995) *Konceptualnye podhody k razvitiyu malochislennykh narodov Severa* [Conceptual Approaches to Development of Indigenous Peoples of the North]. In: *Social'no-ekonomicheskoe i kul'turnoe razvitie narodov Severa i Sibiri: tradicii i sovremennost'* [Socio-economic and cultural development of peoples of the North and Siberia: traditions and modernity]. Moscow: IEA RAS (in Russian).

Sokolova Z.P., Stepanov V.V. (2008) Kategorija «korennye malochislennye narody Severa» i problema statisticheskogo ucheta [The category “Indigenous Peoples of the North” and the problem of statistical accounting]. In: Filippova E.I. (ed.) *Etnicheskie kategorii i statistika. Debaty v Rossii i vo Francii* [Ethnic categories and statistics. Debates in Russia and in France]. Moscow: FGUN “Rosinformagrotekh”: 71–92 (in Russian).

Sokolovskiy S.V. (2005) Instituty i praktiki proizvodstva i vosproizvodstva etnichnosti [Institutions and practices of production and reproduction of ethnicity]. *Etnometodologija: problemy, podhody, koncepcii* [Ethnomethodology: problems, approaches, concepts]. Vol. 11. Moscow: Naslediye: 144–176 (in Russian).

Sokolovskiy S.V. (2014) Gorodskaja povsednevnost', subkul'tury i rossijskaja gorodskaja etnografija [Urban everyday life, subcultures and Russian urban ethnography]. *Etnometodologija: problemy, podhody, koncepcii* [Ethnomethodology: problems, approaches, concepts]. Vol. 18. Moscow: Naslediye (in Russian).

Starovoytova G.V. (1987) *Etnicheskaja grupa v sovremennom sovetskom gorode* [Ethnic group in modern Soviet city]. Leningrad: Science (in Russian).

Stas I.N. (2013) Industrializacija Khanty-Mansiyskogo okruga kak osnovnoj faktor razvitiya gorodov nefljanikov vo vtoroj polovine XX v. [Industrialization of Khanty-Mansi

Okrug as the main factor in development of oil cities in the second half of the 20th century) *Oykumena. Regionovedcheskiye issledovaniya* [Oecumene. Regional studies], 2: 95–102 (in Russian).

Stas I.N. (2014) *Urbanizaciya Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga v period neftegazovogo osvoeniya (1960-e — nachalo 1990-h gg.)* [Urbanization of Khanty-Mansi Autonomous Okrug in the period of oil and gas development (1960s — early 1990's)]. Avtoref. dis. ... k.i.n. Tomsk (in Russian).

Schweitzer P. (2016) *Korennyye narody i urbanizatsiia na Aliaske i na kanadskom Severe* [Indigenous Peoples and Urbanization in Alaska and the Canadian North]. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic Review], 1: 10–22.

Tishkov V.A. (ed.) (2004) *Sovremennoe polozhenie i perspektivy razvitiya malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka. Nezavisimyy ekspertnyj doklad* [Current situation and prospects for the development of small peoples of the North, Siberia and the Far East. Independent expert report]. Moscow; Novosibirsk: IAET SB RAS (in Russian).

Tishkov V.A., Kolomiec O.P., Novikova N.I., Martynova E.P., Pivneva E.A., Terekhina A.N. (2016) *Rossiyskaya Arktika: korennyye narody i promyshlennoe osvoenie* [The Russian Arctic: Indigenous Peoples and Industrial Development]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istorija (in Russian).

Trubina E.G. (2016) *Gorodskaja antropologija: slozhnoe nasledstvo specializatsii* [Urban anthropology: complex heritage of specialization]. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic Review], 4: 102–119 (in Russian).

Weber M. (1994) *Osnovnyye ponyatiya stratifikatsii* [Basic concepts of stratification]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies], 5: 169–183 (in Russian).

Voldina T.V. (2007) *Khanty i Mansi v stolitse Jugry (sotsiologicheskie zametki)* [Khanty and Mansi in the capital of Ugra (sociological notes)]. In: *Geografija i ekologija goroda Khanty-Mansiyska i ego prirodnogo okruzheniya* [Geography and ecology of the city of Khanty-Mansiysk and its natural surroundings]. Khanty-Mansiysk: Inform. publ. center: 129–142 (in Russian).

Voldina T.V. (2010) *Vklad kazymyjskikh khantov v sovremennuju kul'turu Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga — Jugry* [Contribution of Kazym Khanty to the modern culture of Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra]. In: I Gushev E.A., Moldanova T.A., Lelkhova F.M. (red.) *Kazymskie chteniya. Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii* [Kazym readings. Materials of the scientific-practical conference]. Khanty-Mansiysk: IPS UGU: 21–25 (in Russian).